

1968-й год в Югославии

Уна Хайдари, Косово

«На первый взгляд кажется, что все это совсем разные процессы. Политические, социальные, культурные процессы. Определяет ли эта дата только один год, определяет ли она пару месяцев или недель? Что такое 1968? Это всегда было предметом дискуссий. Трудно все это объединить... студенческое движение, молодежное движение, конфликт поколений, протесты против социальных условий и уровня жизни».

Это слова из вступительного доклада историка Ирины Щербаковой на 7-м Европейском историческом форуме в Берлине в мае 2018 года. Щербакова, историк, изучающая отношения между Германией и Россией в XX ст., руководитель исследовательской программы в обществе «Мемориал» – организации, задачей которой является изучение советской истории и прав человека в постсоветских странах – одна из многочисленных историков, исследователей и аналитиков, которые встретились в Фонде им. Генриха Бёлля в Берлине, чтобы отметить 50-ю годовщину событий 1968 года.

Среди посетителей были как представители организаций из стран, с которыми обычно ассоциируются ключевые события 68-го, например, из Праги, Польши, России и т.д., так и участники из бывшей Югославской федерации, опыт которой в тот период часто пренебрегается и обходится молчанием при анализе масштаба и последствий протестов и мотивов протестующих.

Югославия: особый путь

Докладчик из Праги, исследователь из Центра изучения тоталитарных режимов, в своем выступлении рассмотрел полярность, существовавшую между Коммунистической партией Чехословакии и ее аналогом в Москве. Последняя опасалась, что любой знак «политического либерализма» в одном из сателлитных государств может повлечь за собой откол от советского монолита.

Югославия решила эту «проблему» в 1948 году, когда Тито порвал связи со Сталиным. Поэтому протесты 1968 года в Югославии не были связаны с доминантной КПСС. Студенты в столице федерации Белграде, где были сосредоточены крупнейшие вузы страны, собрались, чтобы протестовать против «бюрократизации социализма» и противостоять «поколению предков». В отличие от других стран Восточного блока и балканских коммунистических государств, они хотели усовершенствовать существующую в федерации социалистическую систему, а не избавиться от нее. При этом характерные для 68-го прогрессивный дух и надежды на то, что все возможно, стали идеальными условиями для такого движения.

Милан Ристович, профессор истории Белградского университета, один из участников встречи, подчеркнул, что многие студенты, принявшие участие в движении, сосредотачивались вокруг югославской столицы, где они были хорошо осведомлены о событиях в мире. «Они следили за всем происходящим в Париже, в Германии и, в отличие от соседних стран, каждый день могли видеть, что происходит в остальной Европе. Велось много дискуссий, поскольку студенческие субкультуры в столицах были очень активными».

Белградские студенты протестовали и раньше – в 1966 году против войны во Вьетнаме, как и студенты в США. Хотя эти протесты иногда довольно решительно подавлялись полицией – например, после концерта в Белграде в том же году, что оставило горькие воспоминания в умах студентов – никто не был слишком удивлен, что молодое поколение из страны, которая официально была социалистической, находится по ту же сторону со студентами крупнейшей

капиталистической страны мира. Именно здесь кроется самое большое отличие между ситуацией, с которой столкнулись студенты в Югославии и студенты в остальных странах Восточного блока. События 1968 года официально начались как знак поддержки студенческих демонстраций в марте в Варшаве, а их распространение в июне, совпавшее с парижской и пражской весной, идеологическое разнообразие в сути этих движений сделало их нехарактерно открытыми, прогрессивными и создало условия для будущего интеллектуального дискурса в стране.

Социализм, только лучший

По словам Ристовича, протесты в 1968 году рассматривались как «последняя капля» молодыми, высоко образованными студентами, которые с каждым днем все больше убеждались в разнице между официальной линией Союза коммунистов Югославии и тем, как эта политика осуществлялась на местах. «Студенческий протест ознаменовал собой конец первого периода югославского эксперимента и показал, что этот эксперимент идет к большому кризису. После 68-го все изменилось, югославская система потеряла созданную своими силами маску совершенства, и стало ясно, насколько глубоким был кризис в стране».

Гордость за то, что их страна «лучшая из двух систем» и самая гуманная и социалистическая страна в мире, уже не имела такого значения к концу десятилетия, претерпевшего две неудавшихся волны экономических реформ. Вместо того, чтобы улучшить жизнь, программы экономических реформ 1961 и 1966 годов фактически привели к безработице сегмента населения и увеличению разрыва между социальными классами – что было похоже на богохульство в стране, с такой гордостью хвалившейся тем, что она «великий уравниватель».

Этот разрыв привел к возникновению привилегированной группы югославского населения, сильные связи которой с партией и ее очевидно комфортный стиль жизни вызывали недовольство идеалистической молодежи, которая стала быстро порицать эту группу за то, что та является частью «красной буржуазии». Взгляды, сформировавшиеся в этих группах, были более леворадикальны чем те, которые пропагандировались Союзом коммунистов Югославии, и были похожи на идеи Мао Цзэдуна в Китае. Они стали частью группы, которая дистанцировалась от диктатуры партии. Другие считали, что Югославии нужно пройти еще очень долгий путь к идеалам западного либерализма, и придерживались взглядов более либеральных, чем те, которые популяризировала партия. Таких взглядов придерживались даже члены СКЮ, такие как Коча Попович и Латинка Перович, а также известные активисты-правозащитники, например, Лазар Стоянович. Студенты оккупировали университет, провозгласили его «Красным университетом имени Карла Маркса» и организовали жизнь в студенческом городке по типу коммуны (очень похожую на национальные конвенты французской революции) в знак того, что они настроены серьезно.

Тито «поддерживает» студентов

В большинстве дискуссий на Европейском историческом форуме речь шла о том, какими различными путями коммунистические партии стран Восточной Европы пытались подавить и усмирить уличные протесты. Самой радикальной реакцией был ввод советских танков в Прагу с целью нанесения окончательного удара по протестующим. Опять же, в Югославии картина была несколько иной, поскольку партийные функционеры, такие как Велько Влахович и Милош Минич, пытались посредничать между студентами и полицией во время эскалации.

Самого президента не было в Белграде в первые дни движения. «Тито молчал целую неделю, он был в Бриони и пытался разработать стратегию того, как реагировать на студенческое

движение. Затем он выступил с заявлением по центральному телевидению, в котором он сказал, что 90% требований студентов были оправданными, а остальные 10% представляли собой риск внедрения контрреволюционных сил. Студенты расценили это как признание их требований, однако фактически это было одновременно как признанием, так и подавлением движения», – объясняет Ристович.

Тито понимал, что любая жесткая реакция на протесты только подольет масла в огонь и приведет к тому, что протесты, которые на то время ограничивались столицами территориальных объектов Югославии, распространятся на другие части страны: многие организации рабочих уже посылали письма поддержки студентов. Также могло показаться, что СКЮ подражает советским методам, что противоречило бы девизу партии о том, что она «лучше» Москвы. Тщательно сформулированное выступление Тито, в котором вина постоянно переключалась на партию, – «это честная молодежь, молодежь, о которой мы до сих пор недостаточно заботились» и «мы оставили их без внимания, а теперь мы должны исправить нашу ошибку» – успокоило большую часть студенчества. Это укрепило ауру Тито как ответственного, доброжелательного лидера – образа, который опять-таки культивировался в противоположность властным лидерам остальных стран Восточной Европы. Большинство факультетов университета вскоре после этого прекратили забастовку, и только самая преданная часть студенчества – факультет философии – бастовала дальше.

В то время как Тито и партия отказались от экономических реформ 60-х и переориентировали экономическое развитие страны на собственный бренд «самоуправленческого социализма», а многие участники и особенно лидеры движения 68-го позже были подвергнуты репрессиям (например, у них отнимали паспорта, их исключали из партии), социальный «мир» 70-х удерживался главным образом за счет роста внешнего долга. В 80-х последовал крах, а это, по мнению многих, повлекло за собой развал самой федерации.